

Марк
Подольский

Истории,

которые

СТОИТ

рассказать

Марк
Подольский

Истории, которые

СТОИТ
рассказать

БОСТОН • 2026 • ЧИКАГО

Марк Подольский

Истории, которые стоит рассказать

Mark Podolsky

Stories Worth Telling

Copyright © 2026 by Mark Podolsky

ALL RIGHTS RESERVED. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-52-9

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Produced by BAGRIY & COMPANY | Chicago, IL

☐ www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Edited by Julia Grushko

Book Design by Yulia Tymoshenko

Cover Design by Larisa Studinskaya

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Мой первый гамбургер	7
О еде	14
Словарный запас	18
Как я был мачо	23
Десять сантиметров	29
Муся	37
Бухгалтер Люда	42
Ленин в октябре, или Старые голландцы	47
Крест-накрест	54
Про воробья и прочих птиц	59
Завтрак, после которого хочется жить	64
Родственные души	72
Рецензия на посещение спектакля Лии Ахеджаковой в Нью-Йорке	76
О Феде	80
Любите ли вы театр	85
Интервью	89
Ноги... Руки...	93

МОЙ ПЕРВЫЙ ГАМБУРГЕР

Первое лето в новой стране наступало быстро, и нам сказали, что погоду со стопроцентной влажностью вынести невозможно. Тем более с маленькими детьми.

Моя жена, обладающая всеми былинными качествами еврейской жены и матери с присущей ей непреклонностью заявила, что её, ну да, её дети не могут и не будут «мучиться» в эти ужасных условиях. Не для того они приехали в эту страну. Её дети достойны лучшего.

Что подразумевалось под этим «лучшим», никто в нашей семье не уточнял. Но в его существовании никто и не сомневался.

«А если оно есть, то мы его найдём».

И с этими словами она открыла русскоязычную газету, которая в то время являлась основным источником информации для всех нас.

Искала она недолго.

Объявление гласило, что где-то в районе каких-то Катскильских гор сдаётся бунгало — недорого, всего за триста долларов. Был указан номер телефона.

Мы созвонились и договорились.

На тот момент я уже заработал первые пятьсот долларов, которые жена хранила где-то в районе своей груди, куда мне доступ временно был запрещён до открытия счёта в банке.

И ещё одна важная деталь в моём повествовании. У меня была машина. Это был автомобиль преклонного возраста с восьмицилиндровым двигателем, огромный, как спальный вагон, с диванами вместо сидений. Его подарили мне старые друзья, приехавшие в Америку на десять лет раньше нас и уже избавлявшиеся от всего, что когда-то казалось необходимым.

Автомобиль был замечательный! Старый, с засаленными в дырках сиденьями, без тормозов, но он заводился с первого раза! Мы сразу полюбили друг друга.

Я посвятил одно воскресенье тому, чтобы привести тормоза в полный порядок, что для бывшего владельца жигулей было даже в удовольствие. Вычистил машину изнутри, вымыл снаружи и был чертовски горд и за себя, и за неё.

Это сейчас я знаю, что Катскильские горы — не настоящие горы, а как бы только название местности. Но тогда они для меня звучали, как Анды, как Эверест, как настоящие горы, куда я должен был немедленно выехать, чтобы дать задаток. На семейном совете, состоящем из моей жены, было утверждено, что поеду я.

Было выделено триста двадцать долларов из наших накоплений. При этом размер груди моей жены не из-

менился, что заставило меня усомниться в правдивости версии моего «отлучения». Но я решил не углубляться.

В одно из воскресений я рванул в неизвестное.

В то время у нас не было навигационной системы, и единственным путеводителем была обычная карта на английском языке.

Мои знания языка на тот момент ограничивались фразой «what is your name? *», а также «yes» и «no».

Ехал я часа три. Не буду вдаваться в подробности, как нашёл тот адрес. До сих пор этого не знаю. Но когда после звонка входная дверь старого небольшого дома открылась, на пороге дома стоял хозяин, пожилой поляк, знавший, на моё счастье, русский язык. Он с радостью забрал триста долларов, мы пожали друг другу руки, и я вернулся в машину.

Как я был горд!

Трудно описать моё тогдашнее состояние. Это была моя первая бизнес-сделка в Америке! Теперь дети не будут мучаться летом, и моя жена может мною гордиться!

Я вспоминаю то время со снисходительной улыбкой. Все мы шли к безусловному успеху, но значительная часть где-то свернула по дороге. А может, просто концепция «успеха» у нас изменилась? Не знаю. Не об этом этот рассказ. Не об этом.

* Как тебя зовут? (англ.)

Мне предстояло три часа обратной дороги. Я нажал на газ и в это время понял, что хочу есть. Лежавшая в кармане двадцатка давала уверенность в решении этой задачи, но неумение объясниться на чужом языке наполняло полной неуверенностью в решении этой самой задачи. Голод нажимал. Спазмы желудка стали посещать меня всё чаще. Голова начала кружиться, и в этот момент я вдруг увидел это.

Странное сооружение, похожее на вигвам, какой я видел на картинках в книжках Фенимора Купера. Но не необычная форма этого сооружения остановила меня, а огромный нарисованный бутерброд на его окне и какие-то цифры. И хотя вокруг не было ни души, мой инстинкт в паре с желудком подсказывали, что я в правильном месте. Голод не отступал, я вышел из машины.

Уже открывая входную дверь, я понял по запаху, что не ошибся. Проглотив слюну, подошёл к прилавку и тупо уставился на молодую женщину, стоящую напротив.

Что я мог сказать, если ничего не мог сказать? И неважно, что ты читал Пушкина и Пастернака. Неважно, что ты прочитал всю «Войну и мир». Всё, что когда-то было важно в прошлой жизни, перестало иметь существенное значение. На первый план вышло умение объяснить, чего же ты хочешь.

Женщина улыбнулась и что-то сказала.

Я ответил:

— Yes.

Она улыбнулась опять.

Я стал догадываться, что она тоже не говорит по-английски. Это придало силы. Улыбнувшись я сказал:

— What is your name, — без вопросительной интонации.

Она ответила:

— Yes.

Я понял, что мы договоримся.

Протянул деньги, получил обратно сдачу и чего-то два. Два завёрнутых в фольгу тёплых комка. И эти два комка пахли едой!

Теперь, по прошествии времени, я знаю, что я тогда попал в закусочную «Burger King» и в тот день у них была акция — два гамбургера по цене одного.

А тогда... тогда я этого не знал. Я не знал, что такое «Burger King», и я не знал, что у меня в руках.

Открыв дверь машины и расположившись на переднем сиденье, я осторожно развернул фольгу, увидел булку и надкусил!.. Ещё не придуманы слова, чтобы описать мои ощущения. Что-то необыкновенно вкусное, тёплое, сочное. С лучком, с огурчиком, с кусочком помидора посередине и котлета! В тёплой булке! Где я? Где я? В раю?

Теперь я понял, что не напрасно приехал в Америку.

На исчезновение моего первого гамбургера ушло три минуты.

Чувства меня переполняли.

Я доехал, я нашёл, я отдал задаток, мои дети не будут страдать летом при стопроцентной влажности, и я знаю, зачем мы приехали в Америку.

У меня оставался второй завернутый в фольгу ещё тёплый райский бутерброд, который я вне всяких сомнений должен был привезти жене. Ведь она такого ещё никогда не пробовала.

Посмотрев на лежащий на сиденье рядом гамбургер, я включил зажигание и рванул. Через полчаса я понял, что опять хочу есть.

Он лежал рядом, он был ещё тёплый.

Маленький кусочек, ну совсем маленький. Никто и не заметит. Только не останавливаться. Фольга легко поддалась. Мягкая булка легла в ладонь.

Только не останавливаться.

При подъезде к дому в моих руках оставалась только фольга. Я не смог остановиться. Это было выше моих сил.

Меня накрыла горечь.

И уже было неважно, что я доехал, что я нашёл адрес, что я отдал задаток и мои дети не будут мучаться при стопроцентной влажности. Меня убивало, что я не смог поделиться с моей женой той радостью, которую только что испытал, радостью, которой было ещё так мало в той нашей жизни.

Спасло меня то, что где-то в глубине моей памяти осталось: такой же вигвам я видел на соседней улице, с таким же нарисованным бутербродом.

Раньше я не знал, что это, но теперь!..

В следующие выходные всей семьёй мы пошли в этот вигвам.

Я знал, куда веду их.

Американская жизнь начинала улыбаться.

О ЕДЕ

Не знаю, случалось ли вам когда-нибудь лежать в госпитале.

Если нет, то и не рекомендую. Ничего интересного.

По воле судьбы мне пришлось прожить там несколько необычных дней моей жизни. Дней длинных, невесёлых. Дней, позволяющих наконец-то остановиться, задуматься.

Вспомнить свои немногочисленные победы, свои незабываемые поражения. Что сделал правильно, а где ошибся. Что ещё можно починить, а что уже нельзя. Но и среди этих пасмурных дней встречались моменты, вспоминая которые, хочется улыбнуться.

Один из таких моментов случился благодаря удивительному качеству госпитальной еды.

Трудно представить себе более гадкое качество, чем в этом госпитале. Особенно в воскресенье! Почему в воскресенье? Да потому, что готовят воскресную еду заранее. Может, в пятницу, а может, и в четверг. А где хранят — загадка.

Но безусловно не там, где она может сохраниться.

В то воскресенье я заказал говядину с брокколи и свежий фруктовый салат. Уже по запаху принесённого продукта я начал подозревать, что что-то не так. Но есть хотелось, и я взял кусочек мяса. От подливки пахло мертвечиной, и я её вытер, а мясо осторожно проглотил.

Посмотрел на кашу зелёного цвета, понял, что это было брокколи, и блюдо отложил.

Фруктовый свежий салат безусловно был когда-то свежим, но не сегодня. На фоне однородный жёлтой массы выделялся один кусок ананаса, который я и съел, а блюдо снова отложил.

Вечер прошёл как обычно. С телевизором и лекарствами. Перед сном медсестра дала мне снотворное и пожелала спокойной ночи.

Теперь на вопрос известного писателя «что будет, если принять одновременно снотворное и слабительное?» я ответ знаю.

Первые позывы разбудили меня около часа ночи. К этому моменту мне почему-то снилась ракета, готовая к старту.

С трудом сев в кровати, борясь со снотворным, я схватил ходунок, напряг ягодицы и рванул к горшку как мог, пока ракета не улетела.

После пробега я быстро задремал.

И снова ракета с вырывающимся сзади пламенем предстала мне во сне, а чей-то голос произнёс: «До старта осталось две минуты».

Тот, кто пользовался ходунком, знает, что когда с ногами не всё в порядке, лучше не бегать.

И тут возникает ДИЛЕММА!

Медленно идти — и не дойти, не донесёшь. Или быстро идти — и тоже не дойти. Упадёшь и — опять — не донесёшь.

Теперь технику бега с ходунком на горшок я изучил достаточно и могу поделиться.

Идти нужно быстро, но ягодичы не расслаблять!

В тот день ягодичы сжимались сами. И ты уже не думаешь, что ноги не держат. Оказывается, держат, ощущая неизбежное.

Мой сосед по палате, бывший работник санитарного департамента Нью-Йорка, лежащий с инсультом, с сочувствием и пониманием следил за моими передвижениями, но пока ничего не говорил.

В третий раз мой желудок поднял меня в пять утра. Хотелось спать. Также очень хотелось...

Не став дожидаться, кто же победит в моём утробном поединке, не открывая глаз, я рванул. Путеводитель мне уже был не нужен.

К моменту утреннего обхода я был готов.

Интеллигентного вида доктор подошёл и спросил:

— Как дела, как спали?

И я ему ответил!

Я сказал ему всё, что думаю о госпитале, о госпитальной еде. Об этом зелёном кошмаре под названием «еда».

Что люди этого не едят!

И где-то на третьей минуте моего эмоционального выступления мои ягодицы снова сжались.

Да! Мой желудок был пуст. Там не осталось ничего. Ничего... кроме газов.

Первый пук был нежный, воздушный, с мягким звуком флейты. Второй как-то странно свистнул и наполнил комнату трупным запахом мясной подливки. Я ещё что-то говорил, когда третий вышел, добавив к общему аромату запах гнилого ананаса и ещё чего-то знакомого.

Доктор пытался не дышать. Его глаза явно говорили, что он согласен со всеми моими доводами и хочет как можно скорее доложить обо всём начальству.

Я замолчал.

И тут за занавеской раздался голос моего соседа, бывшего работника санитарного департамента города Нью-Йорка:

— Hey! What the fuck?*

* — Эй! Да вы что там?! Озверели? (англ.)

СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС

В 1988 году моя семья оказалась в маленькой итальянской деревне Santa Marinella.

Спали на пляже, и я два дня искал жильё, переходя от дома к дому, выкрикивая одни и те же три фразы:

— Quanto costa?*

— Affitasi appartamento!**

— Duo bambini!***

По какой причине мы выбрали итальянский корабль, я не помню. Может, маршрут был хороший, а может, просто цена была подходящая. Это уже не важно. Важно другое.

Круизный корабль под итальянским флагом отчалил от причала, имея на борту, среди прочих пассажиров, меня и друга моего Зяму. Были мы, конечно,

* Сколько это стоит? (итал.)

** Аренда квартиры (итал.).

*** Два ребёнка (итал.).

с жёнами, что для этого рассказа не важно, но важно по существу.

Каждый, кто когда-либо пробовал этот вид путешествия, знает, сколько соблазнов можно встретить, прогуливаясь по палубе корабля. Тут тебе булочка сладкая, за углом какие-то моллюски лежат, просят взять. И везде бутербродики, птифурчики. Можно чашечку кофе взять, а можно чего и покрепче. К моменту обеда ты уже сам похож на толстый бутерброд. И есть уже не хочется, а главное—не надо! Но ты идёшь и опять берёшь этих моллюсков, утешая себя мыслью, что рыбу—можно.

А вермишель тайскую нельзя! Но кто же видит? И вот ты уже сидишь с ней, с вермишелью, во рту. А она там тает и медленно исчезает.

Рестораны на корабле обширные, и в другом углу Зяма тоже торопится что-то проглотить. Похоже на хвосты говяжьих, тушёных. Вторая порция не меньше. И по лицу его видно, что ему хорошо, что он бы и третью съел, но тогда пирожные не войдут. Жалко.

Я, в принципе, давно пришёл к выводу, что начинать худеть можно только тогда, когда ты сытый. Если ты голодный, то даже не начинай. Не удастся! Сначала поешь, затем можно думать, какой вид голодания тебе подходит.

На корабле в океане ты как бы чувствуешь себя опять молодым, не обременённым земными заботами.

Жёны вдруг опять становятся милыми девочками, которые хотят хорошо выглядеть, хотят красиво одеться. И немножко открыть, что уже давно не открывали. Можно одной прогуляться по палубам. Опять взгляды почувствовать. Даже глазками поиграть. Взять вина бокал и наслаждаться.

Но не только еда привлекает пассажира. Спектр удовольствия широк. И в один прекрасный день мы с Зямой решили сходить в баню.

Финская баня на итальянском корабле не самое посещаемое место. Большого наплыва народа мы там не ожидали. И оказались правы.

Была она частью корабельного салона красоты, но как бы падчерицей. Находилась в конце какого-то коридора, напротив кладовки с шампунями, лосьонами и прочими салонными принадлежностями.

Раздевшись и положив одежду на скамейку, мы вошли в небольшое помещение и сели. Включили термостат, чтобы было теплее, и стали ждать.

Но не успели мы расположиться, как дверь бани распахнулась и в неё влетели два итальянца в форме обслуживающего персонала. Они оживлённо размахивали руками и настойчиво жестами предлагали нам с другом выйти. Не очень понимая, что, собственно, происходит, но не желая спорить, мы вышли.

Стоять в прохладном коридоре в одних плавках не доставляло нам большого удовольствия. Мы почё-

сывались, переминались с ноги на ногу и ждали, когда же нас пустят обратно.

Ждали мы недолго. Дверь открылась, и наши итальянские хозяева услужливо пропустили нас обратно.

Температура внутри бани не сильно отличалась от температуры снаружи.

Зяма уныло посмотрел на мои синие колени и повернул термостат.

Теплее не становилось.

Неожиданно дверь распахнулась, и в баню опять ворвались те же двое и присоединившаяся к ним женщина.

Было ясно, что она пришла не чтобы с нами помыться.

Все трое что-то оживлённо пытались объяснить, одновременно выталкивая нас в коридор.

Я люблю звучание итальянского языка, особенно когда поют Челентано или Кутуньо, но сегодня был не тот день.

Quanto costa? Affitasi appartamento. Duo bambini. Эти три фразы навсегда врезались в мою память со времён великого переезда. Я с лёгкостью применял их тогда и не постеснялся применить их опять.

— Duo bambini, — произнёс я с чувством лёгкого превосходства.

— Хотят помыться, — продолжил я после паузы, перейдя на родной язык.

Оживлённая реакция всех троих меня обрадовала.

Они одновременно объясняли нам что-то, размахивая руками и перебивая друг друга. К сожалению, только одно слово звучало знакомо. Его они произнесли несколько раз.

— Идиото!

Для поддержания беседы и для уточнения наших намерений я указал рукой на дверь в баню и произнёс вторую фразу из моего словарного запаса:

— Affitasi appartamento.

Они ответили ещё одним знакомым словом:

— Кретино, — и открыли дверь.

Зяма зашёл первым, я за ним.

Знобило.

— Я понял, чего они бегают, — вдруг произнёс он. — Это не термостат, это сигнал тревоги! Валить надо отсюда.

И с этими словами мы грациозно вышли, не забыв нажать последний раз на термостат, ставший сигналом тревоги.

На выходе из салона красоты нам встретилась та же самая тройка, летевшая к помещению бани.

— Идиото, кретино! — донеслось до нас.

— Quanto costa! — крикнул я в ответ.

А что я мог ещё крикнуть? Словарный запас-то ограниченный.

Если вы хотите улыбнуться, эта книга для вас.

Если вам по какой-либо причине не до улыбок, эта книга для вас.

Эта книга—собрание историй о людях, встречах и событиях, которые со временем превратились в воспоминания, а воспоминания—в рассказы.

Здесь есть детство и юность, семья и дружба, театр, путешествия и маленькие приключения повседневной жизни.

Эта книга о времени, которое уходит, о людях, которые остаются в памяти, и о жизни, которая, несмотря ни на что, продолжает удивлять.

